

ИНГУМАНИЗАЦИЯ ПАМЯТИ: ПРОТИВ «ПОЛИТИКИ НАСЛЕДИЙ»

Коллективная память или «наследие прошлого» – специфически организованное устройство обращений к прошлому. Этот ретроактивный механизм конституирует ценностную перспективу, в которой прошлое должно быть определённым образом воспринято; знание о прошлом, возникающее в процессе таких обращений, повторно воспроизводит заданный нормативный идеал. Идёт ли речь о агрессивном отношении к прошлому для поддержания политической конъюнктуры или о консусе об ответственности за прошлое, – оба эти режима используют стратегии «привилегированного доступа»¹ к памяти и ретроактивной политики памяти как инструменты продления нормативного видения мира.

Либеральная критическая традиция апеллирует к чистому горизонту модернизации, совпадающему с «чистым разумом» – незамутнённой природы, надёжного основания для связанной аргументации и достоверного знания. Эта позиция должна быть принята и как исходная, но и как результат модернизации, на который работают очищающие инструменты критики, восстанавливающие целостность и непротиворечивость субъекта.

Знание, как считает современная критика Критики,

¹ «Привилегированный доступ» означает гегемонию такой позиции, согласно которой у нас никакого иного способа говорить о памяти, кроме как в терминах её сконструированности.

создаваемое в рамках этой традиции, оказывается бес-
сильным против работы идеологий. Инструменты крити-
ки, обнаруживающие «комплексы ложных убеждений»,
противоречивость и фантастичность идеологий, оказы-
ваются слепы к реальным модусам их работы. Идеология
может производить противоречивые ответы¹, поскольку
отзывается на реальность, пронизанную линиями
напряжения, глубокими и непримиримыми разломами,
оказывающимися «ниже» горизонта модернизации, за-
ранее исключаящего конфликт. Химеричность идеоло-
гий может указывать на то, что позиции, апеллирующие
к разоблачающему горизонту критики нерелевантны; и,
более того, все сознательные позиции, вступающие в
противостояние, представляют собой лишь «побочный
результат» попыток справиться с неуправляемым эффек-
том принципиальной «незавершенности» реальности.

Критическая традиция сама оказывается идеалисти-
ческой, поскольку *во-первых*, цена, которую нужно за-
платить, чтобы быть сопричастными прошлому, никогда
не платится реально: формы «открытости»² прошлому

¹ Так, например, Жижек советует следить за игрой противоре-
чий, когда антисемит утверждает, что евреи – капиталистические экс-
плуататоры и большевистские извращенцы, что они зависят от своей
традиции и, в то же время, являются космополитами, подрывающими
национальные традиции. Эти противоречия говорят не о том, что
идеология иррациональна, но как раз, что проблема в том, что есть
слишком много мотивов, поддерживающих эти взгляды [1].

² Об этом пишет Негарестани, анализируя возможные формы
художественного соучастия с контингентными материалами: «Если
признать материальность в качестве скрытого влияния художествен-
ного производства, между художником и его материалами могут воз-
никнуть различные формы соучастия, управляемые аффектом худож-
ника или его взаимодействием с материалами. Но они представят
лишь определенные возможности соучастия, ограниченные, с одной
стороны, установлениями, решениями и способностями художника, а
с другой стороны, понятием материальности, суженным до аспектов
материального, которые непосредственно доступны художнику для
вчувствования, взаимодействия и совершенствования» [2].

или модусы сопричастности заданы извне различными императивами, являясь лишь доступными и допустимыми возможностями. Открытость здесь определяется предварительно заданными ограничениями. Но эти ограничения, к тому же, могут оказываться вполне «повседневными», т. е. списанными с обыденного опыта, что делает работу критики недостаточно критичной, не контринтуитивной и поэтому не отличимой от «естественной установки», идеологии или аффордансов¹.

Но каким может быть смысл политики эмансипированной памяти?

Ингуманизм – термин философа Резы Негарестани для определения позиции, наследующей просвещенческий импульс, и, поэтому, имеющей универсалистские амбиции. С другой стороны, ингуманизм – как уточпैसेкий и, одновременно, практический горизонт гуманизма – радикализирует его базовые предпосылки, значение которых может быть полностью деформировано. Такая радикализация, по Негарестани, реальна только в рациональной системе обязательств, которую представляет собой гуманизм, поэтому философия должна быть практической «наукой об обязательствах» [1].

Гуманизм, приверженность которому манифестирует Негарестани, продлевая нормативное видение мира, не исполняет взятых на себя обещаний. Но он становится первой мотивацией ингуманизма – силы, возвращающейся из будущего, чтобы трансформировать, обратить, если не полностью прервать предписания своего условия. Как универсальная волна, стирающая автопортрет человечества, начертанный на песке, ингуманизм является вектором ревизии. В то же время, он мыслится как требование радикального конструирования, рассматри-

¹ «Аффорданс» – термин экологической теории Гиббсона, которым определяется ситуация, в которой объект воспринимается с указанием того, что с ним нужно делать; например, голос говорит пациенту: «Вот то дерево, на котором ты должен повеситься».

вающее значение «человеческого» как конструируемую гипотезу.

Ингуманизм противостоит любой парадигме, редуцирующей автономию определения «человека» – апеллирующей к конечности опыта, раз и навсегда заданным представлениям о человеческой «сущности», или же философии, для которой предельным жестом является выход за сами собой разумеющиеся свойства «слишком человеческого». Его труд заключается в освобождении гуманизма от теолого-метафизической спекуляции и глорификации человека.

Либеральная свобода, по Негарестани, как социальная инициатива и как интуитивная идея свободы от любых нормирующих ограничений (свобода без цели и разработанной повестки действий) не является интеллигентной свободой и поэтому может быть только архавизирующей. Конструировать, прочерчивать связи между определениями, приводить их в исполнение, наделять стремление к лучшему собственной автономией – таков путь свободы. Но это – также и определение интеллекта как реализации практической свободы и функциональной автономии, высвобождающей себя вопреки своей конституции. Концепт «ориентации» – выражение такой свободы, указывающее на синтетический характер революции разума.

Автономия разума в следовании своим собственным ориентирам значит его радикальную метаморфозу, что ведёт к беспрецедентным последствиям для самого человека. Ингуманистическое просвещение делает ставку на рациональное условие такой автономии – принятие «обязательства» перед будущим человека, не совпадающим с генетической спонтанностью мышления и не имеющего точек пересечения с актуальной ситуацией, в которой это принятие осуществляется. Точный смысл обязательства, остающийся всегда сокрытым, может получить прояснение только в процессе его исполнения,

самораспаковывания способностей разума. Поэтому обязательство *back from future* позволяет «снять с якоря» обусловленного, начать навигацию в пространстве «истин» саморазворачивающейся автономии разума.

С другой стороны, будущее имеет характер ревизии – кислоты коррозии, устремляющаяся в обратном направлении времени и разъедающей автопортрет человечества. Ревизия становится авторизацией конструирующей гипотезы, поскольку переопределяет заново границы реального, не обращая при этом к необходимости в основании, идентичности, природе, предзаданных характеристиках, знании предыдущего состояния. Поэтому ингуманизм – активация ревизионной программы разума, работающей против актуальных представлений о человеческом и ориентированной на процесс постоянного переучреждающего созидания и разрушения норм. Контуры человечности стираются, модифицируются и набрасываются вновь в дискурсивных практиках с изменяемыми правилами.

Навигация в пространстве истин регулируется двумя практическими принципами – интервенцией возвращающегося из будущего обещания и его исполнения в настоящем. Эта диалектика принципов противопоставлена идеалистическим стратегиям гуманизма своим экспериментальным, материалистическим характером.

Рационализм, по Негарестани, означает самую радикальную метаморфозу – приверженность человечеству оборачивается ревизионной катастрофой, деформирующей начальное «обязательство» в каскад разветвляющихся практик. Катастрофа будущего, не совпадающая с наличной ситуацией, «впутывается» в прошлое и заново учреждает настоящее. Разум создаёт беспрецедентную связь с памятью – до сих пор немислимую как с точки зрения актуального настоящего, сохраняющего свою причинность, укоренённость в прошлом, так и с точки зрения ретроактивной политики памяти.

Но такое подключение чистого прошлого к невидимому горизонту будущего требует прояснения: как именно память становится метаморфозой? Ответ на этот вопрос связан со следующим: при каких условиях постоянно воспроизводимый процесс переучреждения норм, их переобосновывание, совершает полную трансформацию или даже прерывание команды своего источника?

Отношение конструирующей гипотезы с «обязательством» задаётся самим «обязательством» *back from future*, которое всегда превосходит себя в учреждаемых нормах, концептах и ориентациях. Последние становятся «истинами» навигации (обосновываются) в качестве внутренних фронтиров. Т. е. они рассматриваются не как внешнее, формальное выражение приверженности будущему, но как эмпирическая граница его развития. Осуществлённое отношение гипотезы с «обязательством» подразумевает создание таких локальных «истин» – знаков того, что «обязательство» всегда их превосходит и, *одновременно*, того, что в неопределённости всего ряда локальных пределов оно и может быть лишь выражено. В этом смысле навигационный ландшафт представляет собой неопределённый регрессивный ряд, а «истины» навигации указывают на специфическую зависимость «обязательства» от обосновываемого (существования гипотез) в необходимом различии эмпирического и трансцендентного векторов: оно превосходит эмпиризм локальных границ и, *одновременно*, может быть лишь ограничено в своём трансцендентном действии.

Конституция соучастия гипотезы и ревизионного вектора может быть прояснена из делёзовской философии синтезов времени. Очевидно, что теория Негарестани инспирирована учением о будущем как третьего синтеза времени, освобождающего прошлое из его иллюзий. Будущее – катастрофа радикальной метаморфозы, не возвращающая во «взрыве солнца» ни агента действия, ни «мыслящего субъекта». Вернее, внутренняя, тайная связ-

ность будущего аннулирует – как только лишь внешнюю обусловленность – связность пассивного «мыслящего субъекта», вынужденного всегда только переживать собственную спонтанность, всегда только испытывать на себе производство мышления. Третий синтез стирает того, кто инициировал движение – того, кто принял на себя «обязательство» за будущее, став равным (превосходящему его в прошлом) образу действия.

Но не являются ли вводимые Негарестани принципы – вектор радикальной ревизии, следующий в обратном направлении времени; автономия самораспаковывающегося «обязательства»; навигация в пространстве «истин» как всегда непредвиденная деформация начальных элементов движения; ориентация как выражение предельной свободы и, одновременно, захваченности всегда превосходящим, несоразмерным образом действия – силами и фигурами, принадлежащими, как раз, синтезу прошлого?

На это указывает и сама логика работы «обязательства» *back from future*, совпадающая, с «коленчатостью» синтеза прошлого, которая ориентирована, по Делёзу, вовне – к вмешательству будущего.

Делёз различает чистый элемент прошлого – память – и прошедшее настоящее, располагаемое в одном временном ряду с настоящим актуальным. Прошлое не совпадает с прошедшим настоящим, но нацелено на него. Как таковое, чистое прошлое – это ряд парадоксов. Первый парадокс значит современность прошлого и настоящего, которым оно было – это основание того, что настоящее вообще проходит. Поскольку прошлое современно себе как настоящему, любое настоящее проходит в пользу нового настоящего. Второй парадокс трактуется как парадокс сосуществования. Поскольку каждое прошлое современно настоящему, которым оно было, то все прошлое сосуществует с новым настоящим, по отношению к которому оно теперь прошло. Это значит,

что каждое актуальное настоящее может быть теперь рассмотрено как всё прошлое целиком в самом сжатом виде. Третий парадокс предсуществования значит, что чистый элемент прошлого вообще предсуществует настоящему, которое проходит [4].

Третий парадокс интерпретирует память как элемент, играющий роль обоснования. Сам этот элемент не представлен: память – не то, что *было*, она – «в-себе» прошлого. Представлено всегда только настоящее, как прошедшее или актуальное, но благодаря памяти время разворачивается в любом представлении.

Но тогда чистый элемент прошлого сам оказывается зависим от самоопределения через термины настоящего. Память, заставляя настоящие располагаться «во» времени, сама при этом заимствует черты обоснованного, выражаясь в терминах настоящего как «мифическое прошедшее прошлое» (в котором узнаётся концепт Негарестани – стираемый универсальной волной автропортрет человечества). Работа памяти подразумевает различение времён «до» и «после» – актуальное время, чтобы забыть то, что мы знали, и время, в котором мы должны обнаружить забытое. Это второе время ориентирует круговой порядок настоящих, следуя логике их сверки с постоянно уклоняющимся идеалом. Круг вводит движение, которому теперь подчинено «в-себе» прошлого.

Философия Делёза предполагает, что синтез памяти – в силу своей «коленчатости», соотносящей обосновываемое с полностью безосновным – должен выводить к синтезу будущего, разрушающего Идею «в-себе» как только лишь коррелят машины обоснования.

Инженерное устройство «коленвала» составляет то проблематическое в философии Негарестани, которое в процессе постоянных переподключений прошлого к будущему, смешивает и переотражает в друг друга эти принципы.

Так, например, диалектика конструирующей гипоте-

зы и вектора ревизии, возвращающегося из будущего, отсылает, как раз, к логике работы памяти.

Навигация в пространстве истин разворачивается в двух временах – первичном времени исполнения «обязательства» и вторичном времени его автономного самораспаковывания. Причём вторичное время вектора ревизии обосновывает актуальное время пересчёта и сверки с идеалом. Эти времена отражаются друг в друге: конструирующая гипотеза, *одновременно*, является забыванием или стиранием того, что можно знать, а ревизионный вектор несёт в себе новое практическое знание. Поскольку же автономное развёртывание «обязательства» обосновывает актуальное настоящее, чистое прошлое выражается как мифическое прошедшее прошлое – стираемый автопортрет человечества.

Универсальная волна пересмотра мотивирована чистым элементом прошлого – тем, чего никогда не было, памятью «в-себе». Пространство навигации конструируется вокруг того, что невспоминаемо, и внутренне размечается под его воздействием. Поскольку же настоящее – самая сжатая степень *всего* прошлого, проясняется, почему переучреждение настоящего не зависит от прошлого. С другой стороны, поскольку настоящее – только внутривременной синтез, зависящий от памяти, проясняется, почему только посредством чистого элемента прошлого можно осуществлять перезапись настоящего. Диалектика ревизионного вектора и конструирующей гипотезы строится на необходимом ветвлении эмпирического и трансцендентного времён, производимого прошлым.

Навигация в пространстве локальных «истин», таким образом, следует Идее «в-себе», мотивации прошлого. Но будущее освобождает прошлое через разрушение догматических остатков «в-себе», которые являются иллюзией постольку, поскольку всё ещё подчиняют память обосновывающему механизму. И такое освобождение

разыгрывается уже не «на» движении, содержаниям которого подчинена петля времени: «раз и навсегда» будущего противостоит здесь «каждому разу» ревизии.

Элементы интервенции будущего должны быть очищены от остатков обоснования, поскольку от этого зависит значение освобождённой памяти. «Снятие с якоря» патологической внешней обусловленности действительно инициируется только принятием «обязательства» и вступлением в игру с изменяемыми правилами – пространство навигации. Но в «коленчатости» самой навигации должны быть различены работа обоснования, как механизма ветвления эмпирического и трансцендентного уровней, и реальная сила «перевертывания», ведущая к тому, что обосновывать – значит совершать радикальную метаморфозу. Эта реальная инстанция «опрокидывания» (своего условия) смешана с силами и фигурами синтеза ветвлений, производящего и поддерживающего иллюзию трансцендентного.

Сила опрокидывания значит, что будущее не зависит от обоснования и его результатов, и его точный смысл связан с освобождённым от иллюзии «в-себе» элементом прошлого. *С другой стороны*, коленчатость производства памяти реально соотносит обосновываемое с безосновным будущим, совпадая с реальным методом¹.

Всё это указывает на то, что пространство навигации,

¹ Здесь представляет интерес метод, описанный Тханиссаро Бхиккху в «Раз-распознавании». В этой статье, посвящённой практике випашьяны, речь идёт о продуктивности позиции, согласно которой бессмысленно задаваться вопросом о «реальности» переживаний, как и бессмысленно пытаться добраться до «реальности» – смысл имеет только исследование тех или иных уровней репрезентации, различающихся интенсивностью стресса. Несмотря на то, что объективным направлением практики здесь является устранение всё более уточнённых уровней стресса, полное затухание стрессовых элементов, одновременно, и является и не является результатом практики, поскольку само исследование репрезентации не прекращает её активность [5].

исследующее разум как каскад разветвляющихся практик, не может представлять единственный интерес для «науки об обязательствах», поскольку повсюду мы имеем дело со специфическим расслоением обязательства, не совпадающим с механизмом ветвления. Специфика этого расслоения состоит в том, что оно – нетривиальное (т. е. одностороннее): будущее не отличается от того, что с ним «разлучается», и только в этом смысле может быть полностью иным.

Список использованных источников

1. Kotsko A. How to Read Žižek / A. Kotsko // Los Angeles Review of Books. – Available at: <https://lareviewofbooks.org/article/how-to-read-zizek/>
2. Негарестани Р. Контингентность и сопричастность / Р. Негарестани // Syg.ma. – Режим доступа: <http://syg.ma/@pavelborisov/rieza-nieghariestani-kontinghientnost-i-soprichastnost>
3. Negarestani R. The Labor of the Inhuman, Part II: The Inhuman / R. Negarestani // e-flux. – Available at: <http://www.e-flux.com/journal/53/59893/the-labor-of-the-inhuman-part-ii-the-inhuman/>
4. Делёз Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз; [пер. с фр. Д. Маньковская]. – СПб.: Петрополис, 1998. – 384 с.
5. Бхиккху Т. Раз-распознавание / Т. Бхиккху // Режим доступа: <http://dhamma.ru/lib/authors/thanissaro/depercep.htm>

Аннотация. Ингуманизация памяти значит демонтирование «наследия прошлого» как трансцендентальной петли – политического механизма, задействующего горизонт прошлого для воспроизводства нормативных идеалов. Идёт ли речь о агрессивном отношении к прошлому для поддержания политической конъюнктуры или о консенсусе об ответственности за прошлое, – оба этих режима используют стратегии «привилегированного доступа» к памяти и ретроактивной политики памяти как инструменты продления нормативного видения мира.

Каков может быть смысл политики эмансипированной памяти, противостоящей политике «наследий»?

Ключевые слова: ингуманизм, новый рационализм, навигация, универсальное, память.

Анотація. Ингуманізація пам'яті означає демонтування «спадщини минулого» як місця трансцендентальної ілюзії – політичного механізму, що ангажує горизонт минулого для відтворення нормативних ідеалів. Чи йдеться про агресивне ставлення до минулого для підтримки політичної кон'юнктури або про консенсус про відповідальність за минуле, – обидва ці режими використовують стратегії «привілейованого доступу» до пам'яті і ретроактивної політики пам'яті як інструменти пролонгації нормативного бачення світу.

Який сенс політики емансипованої пам'яті, яка протистоїть політиці «спадщини»?

Ключові слова: інгуманізм, новий раціоналізм, навігація, універсальне, пам'ять.

Summary. Inhumanization of the memory means the “legacy of the past” dismantling as a transcendental loop – political mechanism involving the horizon of the past to reproduce the normative ideals. Whether it is about the aggressive attitude to the past in order to maintain the political conjuncture, or about consensus of responsibility for the past – both of these modes use the strategy of “privileged access” to the memory and memory retroactive policy as instruments of extending normative vision of the world.

What is the meaning of emancipated memory policy, opposing the policy of “legacy”?

Keywords: inhumanism, new rationalism, navigation, universal, memory.